

- Никто пути пройденного у нас не отберет. 1987, № 5–7.
Париж без праздника: Непутевые заметки. 1989, № 1–2.
Кляксы на старых промокашках. 1996, № 12.
Из зазеркалья: Вокруг и около писем читателей. 1998, № 6.
Огурец навыврез: Рассказ. 1998, № 8.
Столкновение в проливе Актив-Пасс: Повесть. 2001, № 1.

Критика, Конечному посвященная на страницах журнала «Нева»

- Раковский Л. Разговор о молодых. «Молодой Ленинград». Альманах. 1956, № 11.
Минчковский А. Свежий ветер. 1958, № 3.
Назаренко В. «Формализм»: Мифы и факты. 1961, № 11.
Глинкин П. Без божества, без вдохновенья... 1962, № 3.
Власенко А. Сюжет и герои. 1963, № 8.
Акимов В. На пути к возмужанию: Проза молодых и ее герой. 1963, № 10.
Холшевникова Е. Прощаясь с жанром. 1976, № 6.
Файнберг Р. «...Уже стал каким-то иным...». 1978, № 7.
Файнберг Р. Повести разных лет. 1979, № 5.
Файнберг Р. Заботы вчерашние и сегодняшние. 1980, № 3.
Житинский А. Рекомендация: Рассказ. 1983, № 4.
Трофимов Л. Внимание и такт. 1987, № 8.
Глинка М. Человек на коленях. 1989, № 3.
Уходящее поколение: Беседы у камина / Беседа с писателем Б. Никольским. 1999, № 4.
Давыдов А. Давно и недавно. Нева, 2002.

В работе также использована книга «Виктор Конечкий: человек из морского пейзажа: Воспоминания. Размышления. Штрихи к портрету». Автор-составитель Т. Акулова. СПб., 2014.

РЕЦЕНЗИИ

БЕЗ ПРОЗОРЛИВОСТИ – НИКАК

Евсеев Б. Т. Очевидец грядущего. М.: Эксмо, 2018. 544 с. (Странствия души. Проза Бориса Евсеева).

Борис Евсеев привлек читательское и литературно-критическое внимание на рубеже веков необычностью художественного видения. В ряду особенностей его стиля — парадоксальность образов, гротескность, овеществленность поэтического языка, непривычные сочетания реалистических и модернистских элементов. Художественные средства и приемы (метафоры, эпитеты, инверсия, гротеск, поэтическая этимология и т. п.) все чаще и целенаправленней используются им не в функции отклонения от «затертой» семантической или стилистической нормы, а в предметно-номинативной. Переносные значения словно бы обрубаются как излишние, чтобы дать простор самобытному, первородному — подлинному лику вещей в их очищенной от случайных связей сути. Особенно ярко это проявляется в новеллистике, принесшей автору призна-

ние как виртуозному стилисту: я имею в виду «Историю легкой души (Триста марок)», «Живорез», «Борислав», «Русское каприччо», «Баран», «Рот», «Садись. Пиши. Умри»...

Идею многих евсеевских рассказов, повестей и романов можно определить как поиск точки опоры в ситуации культурно-исторического, цивилизационного разрыва, когда неявленный, но уже подспудно свершившийся слом былого уклада — взаимоотношений, верований, традиций — рождает ощущение нового, но еще не вызревшего бытия. Герои и персонажи Б. Евсеева — странные, диковинные существа, выпадающие из обычного течения жизни или, наоборот, словно дикая сила, вторгающиеся в заведенный ход событий. Нередко герои эти — нищие, юродивые, преступники; ирреальные создания, животные, говорящие на его (авторском) языке; образы мировой истории и культуры, разворачивающиеся неожиданными ликами и смыслами; фантастические существа; призраки и тени былого, вроде бы давно погребенного в складках человеческой памяти...

Новый роман Б. Евсеева «Очевидец грядущего» многопланов, напоминает кинематографическую раскадровку: одни образно-сюжетные ряды перебиваются другими; читатель вместе с автором и героями — от русских царей Павла I, Николая II и монаха-прорицателя Авеля (Васильева) до современных Авеля и Каина — переносится в разные моменты истории России. Реальные пласты повествования XVIII—XXI веков перемежаются фантазмагорией духовных сущностей; авантюрно-детективные истории героев — философическими диалогами православного прорицателя Авеля и его нынешнего alter ego, литератора Тихона Скородумова. В романе создаются три взаимосвязанных мира: мир исторического прошлого; мир современной России в сложном взаимодействии со славянскими странами (и прежде всего с некогда братской Украиной) и — мир чистых сущностей, отринувший все наносное в устремленности к высшему смыслу бытия. Сфера преодоления — четыре ига в истории России: от монголо-татарского до нынешнего «ИнфоИга» Интернета, средств массовой информации.

Однако это все-таки — внешние слои повествования. Сверхзадача автора романа о даре предвидения и знании грядущего вроде бы не нова, но каково ее решение? Вспомним античного Прометея, что от предвидения избавил смертных: забрав этот дар у людей, он, кажется, дал им свободу воли. В таком контексте предвидение выступает как предсказуемый результат, сковывающий инициативу человечества. Так или не так у автора «Очевидца грядущего»? Автора, который устами старца Авеля говорит отрекающемуся от престола Николаю II не столько о даре предвидения, сколько об особой духовной прозорливости, позволяющей человеку верно выстроить свою жизнь и историю: «Прозорливыми рождаются, пророками по мановению Божию становятся. Дар прозорливости дан всем... Господь, Он все предвидит, но не все предопределяет. Многое определять должны сами люди. И без прозорливости здесь — никак!»

По сути, автор задумывается о роли бессознательного в истории, еще в прологе прописывая рукой героя-сочинителя важную мысль: «Будущее прячется в недрах бессознательного. И эти самые „недра“ существуют вне времени и вне нашего пространства. Значит, и само будущее существует вне времени и вне нашего пространства? Как же его выудить оттуда? И надо ли? Это пока не ясно. Но ты только глянь, что это бессознательное, неподвластное правительствам... и парламентам с жизнью нашей вытворяет...» Думается, речь идет о власти архетипов коллективного бессознательного, исподволь управляющих личностью и историей: без их познания невозможно построение нашей жизнедеятельности и успех реформ. Речь о национальном самопознании, отсутствие которого до сих пор — больной вопрос России. И здесь автор романа совершенно прав.

Однако несколько иной вопрос поставлен им еще в начале «Очевидца грядущего»: а надо ли выуживать знание о будущем из недр нашего бессознательного? Ведь

«прошлое — и есть будущее. Настоящее — и есть прошлое. А будущее — есть и то, и другое, и третье». Такие темпоральные представления напоминают средневековые, согласно которым прошлое расположено впереди, поскольку будущее есть предопределенный результат: Апокалипсис и преображение человечества. Сходную темпоральную схему использовали идеологи марксизма-ленинизма: «светлое будущее» с его коммунистическим раем было также предсказуемым результатом исторического развития. Не окажемся ли мы вновь в плену таких «предвидений», которые, как показал XX век, на самом деле есть моделирование реальности и манипулирование массовым сознанием?

И тем не менее Борис Евсеев принадлежит к тем писателям, которым дано интуитивно прозреть и выявить для читателей тенденции современности, незаметные простому глазу под спудом обыденности. «Муть обыденная с глаз упала, открылось прямое видение». Роль интуиции в нынешнем мире, когда нет ведущей идеологии, нет общей идеи, концепции жизнедеятельности, когда человеку приходится самому разбираться в происходящем вокруг него и выстраивать свою жизнь, трудно переоценить.

Не хочу записывать Б. Евсеева в пророки, однако он ставит важнейший вопрос, очевидно связанный с набирающим силу моделированием реальности и все усиливающимся «ИнфоИгом», которое вполне может направлять человека к новому, удобному властью имущим будущему как заранее предопределенному результату. Не случайно в романе проходящий сквозь эпохи предсказатель Авель порой кажется герою-сочинителю неким компьютерным вирусом. А предвидение как предсказуемый результат тогда — тем ограничителем, которое отгораживает человека от высшего неба и свободы. К тому же, как показывает историческое действие романа, поведенное Авелем знание о грядущей катастрофе вовсе не помогает, скажем, отрекающемуся от престола самодержцу спасти власть и страну от раскола в огне революций и Гражданской войны. Да и верит ли царь пророчеству? Иное дело, проведенная автором и героями градация между предвидением и личной духовной прозорливостью как обостренной интуицией, которая может уберечь человека от ложного пути и ошибок на нем. «Да только сегодня новый прозорливец нужен. Заметь себе: не пророк — прозорливец. Здесь разница огромная...»

Верь себе и своему внутреннему видению мира, — говорит нам автор! Верь, несмотря на обрушивающийся на тебя инфопрессинг от манипуляторов массовым сознанием. В этом — наша воля к жизни и духовному преображению.

Алла БОЛЬШАКОВА

ВЕРНУТЬ ИМЕНА

Елена Иоффе. Великолепная цитата. Иерусалим: Лира, 2018.

Маленькая книжка в мягкой обложке, на которой изображен вздыбленный конь Клодта со своим спешившимся всадником на фоне великолепных колонн Аничкова дворца. Даже не зная, что книжка о ленинградских поэтах, легко понять, что она посвящена чему-то, что имеет отношение к Ленинграду. В названии моей рецензии не зря первым стоит слово «вернуть». Как кажется, смысл всех статей, бережно собранных Еленой Иоффе под одной обложкой, именно этот: напомнить о тех, кто жил и творил в Ленинграде в послевоенные годы, пришедшиеся на юность автора, тоже поэта. Вот написала, а потом увидела в предисловии фразу: «Наиболее частым побуждением была мысль, что если я не расскажу, то никто об этих людях не узнает». Значит, угадано